

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА
POLITICAL AND JURIDICAL CHARACTERISTICS
OF RELIGIOUS FIELD

Серия «Политология. Религиоведение»

2012. № 2 (9), ч. 1. С. 106–114

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 24(091)

**Модернизационные аспекты
вероисповедной политики стран Северо-Восточной Азии
XX – нач. XXI в. Часть 1**

И. А. Арзуманов, В. А. Юрковский

Юридический институт

Иркутского государственного университета, г. Иркутск

Иркутский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

В статье рассматриваются проблемы глобализационной детерминации вероисповедной политики в Северо-Восточной Азии XX – нач. XXI в. Производится анализ процессов формирования конституционно-правовых систем в условиях экстерриториального влияния «вестернизации» и политико-правовой практики, обеспечивающей социокультурную стабильность политических форм государственной организации.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, вероисповедная политика, модерн, модернизация, либерализация, традиционализм.

Современные политические системы КНР, КНДР, Японии, Монголии и Республики Корея являются в целом самодостаточными и обладают высокой степенью внутренней эффективности в выполнении возложенных на них функций. Внешние же оценки эффективности политических систем различны и диаметрально противоположны, что обусловлено объективными и субъективными факторами власти во внутригосударственных и международных отношениях. Проблематика модернизации мировых политико-правовых систем пронизывает целый ряд нарративов государственного и общественного устройства стран Северо-Восточной Азии. К основным из них явно или латентно относится нарратив глобальности. Его институциональные измерения являются основными в предметном ряду интерпретаций идеологических проектов модернизации мировых политических систем. Как правило, имеются в виду глобальная взаимосвязанность экономических процессов, система международных отношений между нациями-государствами, развитие наднациональных организаций, индустриализация с ее глобальным разделением труда и дифференциацией между более и менее индустриализованными областями

планеты, скоординированность финансовых рынков, демократизации и развития коммуникации (культурная глобализация с утверждением доминирования США, ставших после краха Советского Союза единственной сверхдержавой). В этом контексте достаточно характерным является определение глобализации, данное И. И. Лукашук: «Глобализация представляет из себя всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему» [8, с. 1]. В этом смысле макрометодологические позиции анализа базируются на осознании того, что с позиций европоцентризма и глобализация, и модернизация – понятия, касающиеся совокупности различных процессов становления и развития современных обществ, – тем не менее, имеют один интеграционно-идеологический модуль – секуляризационный. Его многовековой разворот, ставший становым хребтом Нового времени, казалось бы, привел к таким трансформациям, при которых аксиологические локусы традиционных религиозных институтов, на первый взгляд, более не актуализируются социальной реальностью. Интенсивная реализация секулярных тенденций, которые были уже изначально заложены в самой природе модерна, институциональная и индивидуальная атомизация общественной жизни ставят под вопрос саму возможность маркировки ряда классических социальных функций религии и понимания религиозности как идеологически доминирующего общественного фактора.

С другой стороны, многообразие идеологий эпохи модерна в условиях региона Северо-Восточной Азии подразумевает и процессы «глобальной локализации» ценностных метанарративов антропо-доктринальных интенций религиозных культур традиционного типа. Являясь детерминантой ряда национальных государств с имперскими интенциями политической культуры, они сами претерпевают институциональную модификацию, обусловленную общей социокультурной трансформацией. Речь идет не только о процессах макрорегионализации стран по признаку культур-цивилизационной или политико-правовой маркировки, но и характеристиках локальных этноконфессиональных общностей. Данный посыл актуализируется констатацией видения процессов в регионах Северо-Восточной Азии как переходных от традиционного общества к современному в его, прежде всего, идеологической маркировке социополитической модернизации на рубеже XX–XXI вв.

Выбирая социокультурный и философско-правовой подходы при анализе специфики функционирования религиозных институтов в странах Северо-Восточной Азии, мы имеем в виду, что собственно предмет политико- и философско-правовых исследований связан не только с определенной системой взаимодействующих элементов в данном объекте, но в первую очередь с ее объективными законами, не зависящими от той или иной степени мировоззренческой ангажированности исследователя. Предмет и основные задачи философии права в рамках взятого за основу методологического подхода в свое время удачно определил Г. Ф. Шершеневич: «Философия права дает понятие о сущности права не для данного исторического периода или для данной страны. Она ищет постоянное в сменяющемся... Философия права не

должна подставлять под реальные понятия свои идеальные представления, выдавать за право то, что, по ее мнению, должно быть правом... Философия права не может быть построена на одних юридических науках... Без социологии и этики общей теории права никогда не удастся выяснить, что такое право или что такое государство... Место права в мировом порядке – это есть отношение права к иным проявлениям общественности, более всего к нравственности; значение права – это оценка социальной роли права в культурной жизни» [11, с. 280].

В условиях региональной политико-правовой трансформации XX – нач. XXI в. социокультурный подход наиболее перспективен для выявления реальных социополитических связей права и институтов общества. Макрометодологически, в свете проблем анализа функционирования религиозных институтов, этот подход основан на системном рассмотрении и анализе социума, т. е. общественных отношений, учреждений, организаций, деятельности, движений и культуры как ценностно-смысловой сферы общественной жизни. Он позволяет, по мысли О. Э. Лейста, избежать дуализма «социального бытия» и «социального мышления» – духовных основ культур-цивилизационного генезиса правовой реальности как системы [6, с. 16]. И в первую очередь таких ее основных элементов, как правоотношения, правосознание и правовая культура, к сфере которой относятся связи политики и права с моралью, религией и идеологией общества. И именно в этой сфере объективно выражены основные тенденции и возможные прерогативы регулирования процессов интеграции в трансформационных условиях современной глобализации. Последняя рассматривается в контексте процессов модернизации – внедрения идеологических нарративов Нового времени, имеющих в северо-восточном регионе Азии ряд специфических маркеров. Наиболее яркий из них – государственное (конституционное) право. Оно является своеобразной «душой» правовой реальности стран европейской общности – «доноров» системно-правовых идеологем для ряда стран Северо-Восточной Азии. В данный регион входят Российская Федерация, Китайская Народная Республика (КНР), Корейская Народная Демократическая Республика (КНДР), Республика Корея (РК), Япония, Монголия. Необходимо учитывать, что в свою очередь, государства Северо-Восточной Азии относятся к странам АТР – обширнейшему региону мира объединяющему более 50 государств, среди которых страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Исторически формирование конституционно-правовых систем в этом регионе шло под влиянием христианства – романо-германской и англо-саксонской ветви – Россия, США, Канада; конфуцианства – Китай, Япония; ислама и индуизма – Индонезия, Малайзия. Для модернизационных процессов в данном регионе, как и в целом в мире, характерна экстерриториальность как основная динамическая характеристика глобализации в целом. На современном этапе экстерриториальными являются экономическое, технологическое, информационное, социокультурное, правовое и целый ряд других пространств, находящихся в системе модернизационных взаимовлияний. В этой связи мы не можем не констатировать и факт того, что современные процессы глобализации

в большинстве стран имеют методологическую кальку периода великих колониальных империй (по характеристикам экономического и идеолого-мировоззренческого компонентов). Особенно показательны данные характеристики проявляются в процессах модернизации национальных правовых систем стран, имевших (Россия, Монголия) и имеющих (Китай, Северная Корея) социалистическую ориентацию. Еще более показательны – в обусловленных модернизацией национальных правовых систем региональных процессах, связанных с миссионерской деятельностью конфессий и деноминаций. Институциональная интервенция религиозных инноваций осуществляется уже не только с территорий стран-доноров либерально-демократической идеологии, но и с территорий стран Северо-Восточной Азии, ставших на рубеже XX–XXI вв. плацдармом для миссионерской геоэкспансии в странах АТР [1, с. 9–11].

Важными в этой связи культур-цивилизационными константами в составе АТР, кроме России и Монголии, являются Китай, Япония, Канада, Южная Корея и США. Собственно процессы модернизации (как проекция философско-политического и мировоззренческого комплекса Нового времени в условиях XX – нач. XXI в.) в странах Северо-Восточной Азии проходят в преимущественном доминировании либерально-демократической идеологии, в фарватере которой выступают США. Последнее обстоятельство (характеризирующее процессы «вестернизации») определяет характер глобализационных процессов как детерминант становления и формирования современных конституционно-правовых систем стран региона с «восточной» культур-цивилизационной маркировкой. В последнее десятилетие процессы модернизации базовых сфер жизни стран региона проходят и так называемый период «девестернизации», при котором либеральные экономико- и политико-правовые ценности соотносятся, с одной стороны, с национальными традициями и детерминированной ими прагматикой экономических прерогатив, с другой – с глобализационными интенциями эпохи развитого социализма в странах, где данная идеологическая парадигма еще не изжита из методов политико-правового регулирования общественных отношений (Китай, Северная Корея). Эффективность политических систем рассматриваемых стран проявляется в их жизнеспособности, несмотря на различную политическую и правовую природу, в их умении вырабатывать в соответствующих сферах своевременные решения и соответствующую политику, причем там, где они необходимы прежде всего. Эффективность проявляется также в способности проводить в жизнь выработанную политику и, что особенно важно, добиваться реализации зафиксированных в нормоустанавливающих документах положений в конкретные программы действий. Поэтому при реализации основных направлений внешней и внутренней политики ряда стран Северо-Восточной Азии участие государства усиливается не только в реализации его экономической функции, но и в сфере идеологии. Влияние религии на политико-правовую культуру стран данного региона чрезвычайно велико, и именно оно является своеобразной «скрепой» социокультурной стабильности политических форм государственной организации. Выявляемая апория базовых

компонентов традиционного правосознания и либеральной экспансии особенно четко проявляется при анализе соотношения декларированных либерально-конституционных положений и реалий правоприменительной практики. Последнее отражается в специфике процессов рецепции правового массива, затрагивающих преимущественно частноправовые отрасли гражданского права в его экономико-торговой проекции. Именно данное обстоятельство определяет реалии государственного регулирования процессов глобализации экономической и идеологической сфер стран с «социалистическим» вектором глобализационных характеристик.

К особенностям функционирования религиозных институтов Китая и Северной Кореи необходимо отнести дифференциацию религиозных объединений на две страты: 1 – социальные группы, объединенные по принципу исповедования определенной религии, и 2 – не имеющие организационных форм. В этой связи особая роль в системе социальных и политических отношений в странах Северо-Восточной Азии отводится китайским синкретическим религиям, по установившейся традиции часто именуемым «тайными религиями» [10, с. 6]. В свою очередь многие отечественные и зарубежные синологи настаивают на влиянии именно «тайных китайских вероучений» на Японию, Корею и Монголию [2; 7; 9]. Что касается религиозных организаций, действующих в рамках модернизации позитивного права, то их функционирование дереминировано, том числе, и процессами модернизации. Китайское право, например, внешне европеизировалось с начала XX в. и вошло в семью правовых систем, основанных на римском праве. Изначально, как и в Японии, это было обусловлено необходимостью юридического противостояния колониальному характеру торгово-экономических отношений со странами Запада. В Китае после Синьхайской революции 1911 г. и провозглашения республики велась редакционная работа по созданию целого ряда кодексов. Так например, Гражданский кодекс, включающий и гражданское, и торговое право, вступил в силу в 1929–1931 гг., Гражданский процессуальный кодекс – в 1932 г., Земельный кодекс – в 1930 г. Кроме того, мы не должны забывать, что в Китае (как и в Северной Корее) основные законы сформированы в идеологических параметрах коммунистической идеологии, сопряженной с государственно-этатистской спецификой политико-правовой идеологии конфуцианства. Складывается своеобразная макрометодологическая философско- и политико-правовая апория. С одной стороны, в свете либерализации и деидеологизации сферы религиозной политики Китай придерживается конституционных принципов уважения и обеспечения прав человека. Например, в Конституции КНР в ч. 2, 3, 4 ст. 36 регламентируется: «Никакие государственные органы, общественные организации и отдельные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедание или неисповедание религии». В соответствии с этим среди основных прав и обязанностей граждан констатируется, что «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания» [3]. По официальным данным, в настоящее время в Китае насчитывается более 100 млн верующих, имеется более 100 тыс. храмов и других

мест для культовых отправлений, более 3 тыс. всекитайских и местных религиозных организаций. Среди 300 тыс. служащих культа насчитывается около 200 тыс. монахов, более 25 тыс. даосских монахов и монахинь, более 40 тыс. служителей культа в ранге имама и муллы, 4 тыс. священников католицизма, более 20 тыс. священников протестантских деноминаций [13].

С другой стороны, традиционный принцип государственного этатизма в данной сфере общественных отношений отражен и в конституции КНР: «Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования. религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля» (ст. 36 гл 2) [3]. Последнее положение является краеугольным для понимания специфики китайской правоприменительной практики, детерминированной всем строем имперского конфуцианства. Функционирование религиозных институтов регулируется и целым рядом отраслевых законодательных актов, детерминированных жесткостью «имперской» правоприменительной практики: например «Законом КНР о национальной районной автономии», «Общими положениями Гражданского кодекса», «Законом об образовании», «Трудовой кодекс», «Закон об обязательном 9-летнем обучении», «Законом о выборах в собрания народных представителей», «Законом об организации комитетов сельских жителей», «Законом о рекламе» и пр.

В Конституции КНР 1972 г. закреплены идеологические параметры построения социалистического государства, с одной стороны, основанные на мировоззренческой базе идей «чучхе», а с другой, декларирующие «модерные» ценности европейского конституционализма. Так, ст. 67 главы V конституции КНР констатирует право граждан на «свободу слова, печати, собраний, демонстраций и объединений. Государство создает все условия для свободной деятельности демократических политических партий и общественных организаций». Но институт свободы совести, зафиксированный в ст. 68 [4], ограничен целым рядом политико-административных решений. Дело в том, что в рамках идеологии «чучхе» конституция КНР четко стратифицирует все население страны по признаку опоры ее суверенности на рабочих, крестьян и рабочую интеллигенцию. Как показывает правоприменительная практика, верующие по признаку их возможной нелояльности к режиму причисляются к враждебному слою. Так, к нему, кроме «подозрительных женщин» – бывших шаманок, куртизанок-кисэн и их ближайших родственников, относятся лица, исповедующие протестантизм и исполняющие протестантские обряды; лица, исповедующие буддизм и исполняющие буддистские обряды, лица, исповедующие католицизм и исполняющие буддистские обряды, и местные конфуцианцы [5; 12, с. 90–92]. Показательно, что наравне с другими группами населения, подвергающимися государственному ostracism, представители данных религиозных групп могут найти себе спутников жизни только среди представителей своей же группы, что, как и когда-то в маодзэдуновском Китае, окончательно превращает эти слои в касту неприкасаемых [12, с. 94]. Жесткость позиции государства преимущественно обу-

словлена не только становящейся экзотической идеологией коммунизма, но и южнокорейским феноменом реализации «западной» проекции глобальных сценариев миссионерской геополитики XX в. Целенаправленная экспансия постпротестантских деноминаций из Южной Кореи стала фактором национальной безопасности для непосредственных северных соседей – КНДР, Китая. Ситуация в Южной Корее явилась результатом ничем не сдерживаемой экспансии политико-правовых и идеологических форм либерально-демократической глобализации.

Необходимо отметить, что поскольку доступ миссий в эти страны с территории Южной Кореи затруднен в силу сложившихся внешнеполитических взаимоотношений и законодательных ограничений, то сегодня более успешно эта работа может проводиться из России, ставшей плацдармом не только для протестантских инноваций.

Таким образом, особенности функционирования религиозных институтов стран Северо-Восточной Азии на современном этапе обусловлены процессами глобализации идеолого-правовых нарративов Нового времени. Экстерриториальность правовой глобализации в сфере государственно-конфессиональных отношений имеет в своей конституционной основе либеральный базис личных права человека. Процессы модернизации национальных политико-правовых систем стран Северо-Восточной Азии имеют двойной вектор – вестернизационный и девестернизационный. В связи с этим мы можем говорить о двух тенденциях: 1) о глобализации ценностных факторов либеральной идеологии – рынка, демократии и прав человека и фиксации их, прежде всего, на конституционном уровне стран АТР; 2) о верификации данного комплекса с позиций традиционно-ценностной интерпретации, политико-правовой практики и геополитической прагматики. Религиозный фактор как один из системообразующих в процессах глобализации имеет и обратный вектор – *Восток–Запад*. В качестве «локомотива» этих процессов в регионе Северо-Восточной Азии выступают Китай и Южная Корея, пребывающие на современном этапе в идеолого-интеграционной (Китай) и идеолого-экспансионистской (Южная Корея) фазах.

Для стран «социалистической» ориентации – КНР и КНДР – апория базовых компонентов традиционного правосознания и либерально-правовой рецепции конституционного уровня проявляется в дифференциации религиозных объединений по признаку их политической лояльности и уровня позитивно-правовой институализации. В рамках принципа государственного этатизма в сфере правоприменительной практики функционирование религиозных институтов и процессы «миссионерской геополитики» XX–XXI вв. находятся под жестким контролем государства.

Окончание в следующем номере.

1. Арзуманов И. А. Философско-правовой аспект идеологической трансформации вероисповедной политики России в Байкальском регионе XX–XXI вв. // Этничность и власть : материалы VI Международного семинара, 14–16 мая 2007 г. Ял-

1. Arzumano I. A. Philosophical and legal aspect of the ideological transformation of Russian confessional policy in the Baikal region in the 20th and 21st centuries // *Etnichnost' i vlast'*: Materials of the 6th International Seminar, May 14–16, 2007.

- та, Алупка / под ред. Т. А. Сенюшкиной. – Симферополь, 2008. – С. 9–11.
2. *Zinin S. V.* Современные западные исследования религиозной культуры Китая // Культурные традиции и современность. – М., 1989. – С. 103–125.
3. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
4. Конституция КДР [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru>.
5. *Lankov A. N.* Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее [Электронный ресурс]. – URL: <http://travel.ru>.
6. *Leist O. E.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 452 с.
7. *Li Yuze.* Тяньдицзяо. Новое понимание космоса и жизни // Постулаты Учения Небесного государя. – М., 1996. – С. 47–58.
8. *Lukashuk I. I.* Глобализация, государство, право, XXI век / И. И. Лукашук. – М.: Спарк, 2000. – 262 с.
9. *Malyavin V. V.* Синкретические религии в Китае в XX в.: традиционное и посттрадиционное // Религии мира: история и современность: ежегодник: 1987. – М., 1989. – С. 86–102.
10. *Tertitskiy K. M.* Китайские синкретические религии в XX веке / К. М. Тертицкий. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 415 с.
11. *Shershenevich G. F.* Общая теория права (по изд. 1910–1912 гг.): в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич; вступ. ст. М. Н. Марченко. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. – Т. 1. Вып. 1. – 308 с.
12. *Yurkovskiy A. V.* Конституционно-правовые основы развития политических систем стран Северо-Восточного Азиатского региона: монография / А. В. Юрковский. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) академии Генеральной прокуратуры РФ, 2008. – 443 с.
13. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25320.htm> 1997/10/30.
- Yalta, Alupka / ed. T. A. Senyushkina. – Simferopol; Tavria, 2008. – P. 9–11.
2. *Zinin S. V.* Contemporary western research of the Chinese religious culture // *Kulturniye traditsii i sovremennost'*. – M., 1989. – P. 103–125.
3. The PRC Constitution of 1982 (with amendments of 1988, 1993, 1999, 2004) [On-line resource]. – URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
4. The Constitution of the Republic of Korea [On-line resource]. – URL: <http://constitutions.ru>.
5. *Lankov A. N.* The Repressive System and the Political Control in North Korea [On-line resource]. – URL: <http://travel.ru>.
6. *Leist O. E.* The essence of law. Problems of theory and philosophy of law / ed. V. A. Tomsinova. – M.: Zertsalo, 2008. – 452 p.
7. *Li Yuze.* Tiandizao. New Understanding of Space and Life // *Postulates of the Heavenly Monarch' Doctrine*. – M., 1996. – P. 47–58.
8. *Lukashuk I. I.* Globalization, State, Law, XXI century / I. I. Lukashuk. – M.: Spark, 2000. – 262 p.
9. *Malyavin V. V.* Syncretic religions in China in the XX c.: traditional and post-traditional // *Religii mira: istoriya i sovremennost'* (World religions: history and modern world): annual: 1987. – M., 1989. – P. 86–102.
10. *Tertitskiy K. M.* Chinese syncretic religions in the 20th century / K. M. Tertitskiy. – M.: Publishing House «Vostochnaya Literatura» of RAS, 2000. – 415 p.
11. *Shershenevich G. F.* General Theory of Law (based on ed. 1910–1912): in 2 vol. / G. F. Shershenovich; foreword by M. N. Marchenko. – M.: Moscow State University, Law College, 1995. – Vol. 1. Issue 1. – 308 p.
12. *Yurkovskiy A. V.* Constitutional and legal bases of the Development of Political Systems of Northeast Asian Countries: monograph / A. V. Yurkovskiy. – Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the RF, 2008. – 443 p.
13. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25320.htm> 1997/10/30.

Modernization Aspects of the Confessional Policy of Northeast Asian Countries in the 20th and Early 21st Centuries. Part I

I. A. Arzumanov, V. A. Yurkovskiy

Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk

The paper examines the issues of globalizational determination of the confessional policy in Northeast Asia in the 20th and early 21st centuries. The paper analyzes the developing process of Constitutional and Legal systems under the influence of exterritorial «westernization» as well as political policies and legal practices that ensure social and cultural stability of political forms of the governmental organization.

Key words: Northeast Asia, confessional policy, modern, modernization, liberalization, traditionalism.

Арзуманов Игорь Ашотович – кандидат философских наук, доктор культурологии, кафедра теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10-220, тел. 8(914) 9384607, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Culturology, the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute of the Irkutsk State University. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10-220, phone: 8 (914) 9384607, e-mail: arzumanov@mail.ru

Юрковский Владимир Алексеевич – кандидат юридических наук, кафедра государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, тел. 8 (3952) 746833, e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Vladimir Yurkovsky Алексеевич – Candidate of Juridical Sciences, the Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, phone: 8 (3952) 746833, e-mail: avyurkovsky@mail.ru